Изгнанник. Испытания раян

Автор:
Марина Суржевская

Изгнанник. Испытания раян

Марина Суржевская

Два рассказа для поклонников дилогии "Цветок лори". Рассказы являются частью общей истории, но не вошли в основной сюжет. Для оформления обложки использованы материалы сайта depositphotos, автор Larysa Nebosenko Koshe.

Дорогие читатели! Перед вами два рассказа для поклонников дилогии «Цветок лори». Эти рассказы являются частью общей истории, но не вошли в книги. Приятного чтения!

***

ИЗГНАННИК

Первый бонусный рассказ к дилогии «Цветок лори»

Время действия – после окончания книги «Зачем цветет лори»

***

Ран сидел в каменном мешке подземелья, за толстыми прутьями решетки, чуть тронутой ржавчиной. У Лавьера больше не было силы, да и жизни почти не было, над ним хорошо поработали, прежде чем кинуть в темницу. Он умирал, лежа на прогнившем тюфяке тюрьмы. И когда пришел наследный принц, даже головы не

повернул в его сторону.

Впрочем, Ошар надолго не задержался. Лишь на несколько минут, чтобы рассказать о смерти Темного Владыки и о красках на теле раяны. Он вглядывался в лицо Лавьера пристально, но желтый свет факела обрисовывал совершенно равнодушные черты в корке засохшей крови и грязи.

Ошар вздохнул, сдаваясь.

– Она передала вам кое-что, – сказал он. – Это прощальный подарок.

Принц еще постоял, рассматривая человека, которым не мог не восхищаться. И которого так и не понял. Порой ему казалось, что все, что делал Ран Лавьер, было для Верховного лишь игрой, и, чем губительней она была, тем больше ему нравилась. Такой человек слишком опасен, чтобы оставлять его в живых, и Ошару было слегка жаль. Он хотел бы, чтобы Ран Лавьер оказался в числе его союзников.

Но – увы.

Ошар ушел, потому что Лавьер все так же не смотрел на него. Желтый свет факела уплыл вслед за принцем, и подземелье снова погрузилось во мрак.

Ран подполз к решетке, затаил хриплое дыхание. Прощальный подарок? От Оникс? Что раяна могла передать своему мучителю? Лавьер приподнялся, всматриваясь во тьму. Моргнул, прогоняя дымку забвения из своих глаз. Сломанные ребра сдвинулись, угрожая проткнуть внутренности. А может, это уже случилось.

Аид знал, что смерть совсем рядом. Она всегда была рядом, порой даже реальнее, чем жизнь, он ощущал ее дыхание на своем затылке каждое мгновение своего существования. Смерть была его спутницей – преданной и верной. В конце концов, аид исправно поставлял ей души и всегда знал, что настанет день, когда она заберет и его. Осознание, что этот день пришел, не вызвало в аиде ни сожаления, ни страха. Сумеречные Врата давно открыты для него, архар скалится в ожидании Рана Лавьера с той минуты, как он родился на этот свет.

В темноте и сырости подземелья Ран подошел к Вратам так близко, как никогда. Он уже видел демонов, кружащих рядом и ждущих его последний выдох, за которым не последует вдох.

Лавьер криво усмехнулся разбитыми губами. Кажется, он испортит новому императору удовольствие и сдохнет еще до казни. Палачи перестарались, зная о силе дара Верховного аида. И не понимая, что избивали человека, в котором дар магии исчез навсегда.

Даже странно, что он все еще дышит…

Но сейчас Лавьер не думал об этом. Он рассматривал тусклый предмет на грязном камне. Ему пришлось моргнуть несколько раз, чтобы увидеть. И протянуть руку, чтобы поверить. Кольцо. Оникс отдала ему кольцо. Почему?

Хотела избавиться от последнего напоминания об аиде?

Или…?

Лавьер не знал. Не понимал. И злился от этого непонимания.

Он сжал в ладони темный ободок. Шанс? Жизнь? Но почему?

Выдохнув, Ран надел кольцо на палец, думая о единственном человеке, что мог оттащить его сейчас от Сумеречных Врат. И это все, на что его хватило.

***

Пробуждение оказалось мучительным.

Не открывая глаз, Лавьер попытался оценить обстановку и понять, где он находится. Тихий треск поленьев, запах трав и шорох ветра за окном. Значит, он не в темнице. Уже хорошо. Но попал ли туда, куда хотел?

Он осторожно провел ладонью, нащупывая грубое сукно покрывала, и дернулся, поняв, что руки привязаны. Открыл глаза, поднял голову, снова рванул путы.

– Тихо-тихо, – знакомый голос заставил аида расслабиться. – Не вырывайся, иначе кости снова сместятся. Мне стоило немалого труда сложить тебя, Ран. Из какого архара ты вылез?

– Из глубокого, – во рту поселился вкус крови и чего-то кислого. Ран повернул голову и прищурился, пытаясь сложить расплывающуюся фигуру в белых одеждах. – Я рад, что ты все еще жив, старик.

Анакин тихо рассмеялся и поднес к губам аида глиняную кружку.

– Пей. Это поможет.

Лавьер с трудом сделал несколько глотков и снова закрыл глаза. Даже слабый свет свечей причинял невыносимую боль.

– Насколько я плох? – хрипло спросил он.

Целитель молчал, и Ран вскинулся, жестко всмотрелся в старческое лицо.

– Ты умер, Ран, – тихо сказал Анакин. – Когда я нашел тебя, твое сердце остановилось.

Лавьер усмехнулся.

– Но я ведь по-прежнему здесь, ведь так?

– Мне пришлось потрудиться, – старик отошел к грубо сколоченному столу, на котором темнели пучки трав.

Лавьер окинул взглядом сгорбленную спину, трясущиеся ладони, лицо, испещренное столь глубокими морщинами, что казалось куском высохшего дерева. Он не стал спрашивать, сколько силы влил в него целитель. Он и так знал ответ. Много. Очень много. Возможно, все силы, что у него были.

– Знаешь, я никогда не спрашивал, почему ты делаешь это для меня, – задумчиво протянул Лавьер, и Анакин пожал плечами.

– Возвращаю долг, Верховный аид, – беззубо улыбнулся он. – Ты дал мне больше, чем я мог желать.

Лавьер качнул головой.

– Я лишь не хотел потерять твою силу, старик.

– Конечно, – Анакин снова поднес кислое питье к его губам. – Конечно, Ран. А теперь пей и спи. Ты должен выздороветь, иначе я зря потратил свою силу.

***

Несколько дней слились для Лавьера в бесконечную череду провалов, в которые он падал, словно в архар, и мучительных пробуждений. Даже сила целителя не была способна полностью восстановить израненное человеческое тело того, кто уже шагнул к Сумеречным Вратам. Ран Лавьер всегда знал, что человек, называющий себя Анакин, был самым сильным светлым из всех, кого он встречал в своей жизни. Возможно, он даже мог встать в один ряд с тем, кого называли Белый Свет. Ведь он совершил почти невозможное – запустил сердце, что молчало в груди аида уже несколько мгновений. Но даже сила Анакина не могла изменить пустоту внутри Рана.

С каждым днем, восстанавливающим его тело, эта пустота становилась все больше.

Там, где раньше был дар, теперь зияла пропасть, и она разрасталась трясиной, грозя засосать разум и душу. Никогда Лавьер не ощущал такой всеобъемлющей, такой невероятной пустоты внутри. Он чувствовал себя выпотрошенной рыбой, что все еще бьется на песке, надеясь дотянуться до соленой воды. Не понимая, что даже если ее подхватит волна, это уже ничего не изменит.

Пустота пожирала Лавьера, тянула все глубже в бездну, убеждала сдаться. «Зачем ты борешься? Ради чего?» – шептала она. Заглядывала в покрасневшие и слезящиеся глаза, усмехалась. «Зачем, Ран Лавьер? Все кончено… Для тебя все кончено… смирись»

Смирись и прими свою судьбу, в которой больше нет ничего для тебя. Смирись и перестань дышать, потому что твое дыхание больше не нужно. Ты проиграл. Ты проиграл…

Впадая в забытье, Ран Лавьер слышал голос своей пустоты так ясно, как не слышал живых людей. Она звала его, она угрожала, она манила.

Смирись… Ты проиграл… Все кончено… Калека без дара… Изгнанник без власти… Человек без души… Мужчина без… раяны. Для чего тебе жить?

И, проваливаясь в пропасть, Ран не мог найти ответ. Для чего? Для чего…

…Она стояла там, у берега холодного моря. Соленый ветер играл белыми волосами и трепал подол синего платья. На него она не смотрела, лишь на бушующие, беспокойные воды. Сердце привычно остановилось, стоило ему увидеть Оникс. Он уже привык к этой боли, к остановке дыхания, к мучительной, отчаянной, больной надежде. К желанию и тоске, что всегда шли рука об руку, стоило подумать о ней.

Между граней черных камней раяна казалась цветком – слишком нежным и слишком хрупким для этого сурового мира. И ему хотелось закрыть ее. От холодных соленых брызг, от ветра, от людей. Странная потребность для того, кто причинял ей столько боли. Странная потребность в отношении той, что уничтожила его.

– Оникс.

Она вздрогнула и повернула голову. В синих глазах возникло удивление, а потом… что? Ран всматривался изо всех сил, пытаясь увидеть то чувство, что пришло сразу за неверием. Что было там, на самой глубине синей пропасти? Страх? Ненависть? Или… Или что-то иное, то, что он почти увидел в их последний раз, то, из-за чего цветок на спине раяны стал цветным. То, чему нет названия, потому что у них это слишком сложно, чтобы обозначить одним словом.

Но Оникс отвела взгляд и сделала шаг назад.

– Тебя нет… – ее слова принес ветер, швырнул в лицо аида. – Нет…

Ран очнулся и тяжело втянул воздух, все еще ощущая на губах соль.

– Я есть.

Лавьер открыл глаза, осматривая низкий потолок, крашеное окно и низкий стол. Опустил ноги на пол, осмотрел стежки, которыми была заштопана его рана, хмыкнул. Потом потянулся к штанам, что лежали на лавке, медленно оделся. Он смог слезть с низкой кушетки и, хватаясь за стены, доползти до двери. Толкнуть ее. Холодный морской воздух лизнул лицо бывшего Верховного аида, заросшее густой щетиной. Анакин осуждающе цокнул языком, увидев Рана на пороге, но промолчал. Он знал, что спорить с сумеречным бесполезно, Лавьер все равно сделает по-своему.

– Сколько прошло дней? – Ран медленно повел головой, осматривая тесный дворик, огороженный простой дощатой оградой. Жилище целителя располагалось в стороне от долины, где селились местные жители. Оно стояло почти в лесу, скрытое густыми зарослями колючего можжевельника.

– Семь. Тебе рано вставать.

Лавьер прищурился.

– Мне нужно оружие. Одежда. И лошадь.

– Тебе нужно лечь в постель и не вставать ближайший месяц, – ворчливо отозвался целитель. – Не заставляй меня жалеть о том, что я сделал, Ран.

– Ты сделал бы это в любом случае, – Лавьер приложил ладонь к глазам, всматриваясь в очертания скал. Солнце зашло за тучу, и в наступившей тени стали видны шпили замка. Родовое гнездо рода Лавьеров возвышалось черной громадой с реющим на башне синим флагом.

– Да. Но не заставляй меня жалеть.

– Анакин, мне нужно то, что я сказал. – Ран отвернулся от синих скал. – Ты говорил обо мне?

– Обижаешь, аид.

– Хорошо. Мне надо уходить, ты и сам знаешь. Меня будут искать.

– Тебе нельзя садиться на лошадь, Ран! – целитель возмущенно всплеснул руками. – Это ты тоже знаешь! Тебе нужно время, чтобы срослись твои ребра и внутренности, чтобы затянулись раны! Я влил в тебя силу, чтобы ты смог хотя бы дышать, а ты хочешь сдохнуть? Ты этого хочешь?

– Я сдохну, если останусь здесь, – ровно произнес Лавьер. – Первое, что сделает Ошар, обнаружив мое отсутствие – это направит отряд в Синие Скалы. Не упрямься, старик. И приведи мне лошадь. Я уеду на рассвете.

– Тебе нельзя уезжать! – Старческое лицо Анакина исказилось. – Ты слаб, Ран! Слишком слаб! Тебе нужно время…

– У меня нет времени, – Лавьер жестко посмотрел в блеклые глаза целителя. – Даже если бы я хотел.

– Но…

– Не спорь. Просто сделай, как я сказал.

Аид прислонился спиной к темным доскам лачуги. И слабо улыбнулся.

– Никогда не понимал, почему ты живешь здесь, старик.

– Здесь легче дышится.

– Ты прав, – подумав, отозвался аид. – Легче. А теперь отправляйся за лошадью.

Целитель поджал губы, но все же направился к шаткой калитке. Но, не пройдя трех шагов, обернулся.

– Твоя сила, Ран… что с ней? Ты не исцеляешься. И я не чувствую больше ток дара в тебе. Они… забрали его? Но как? Как это возможно?

– Нельзя забрать дар, Анакин, ты и сам это знаешь, – в голосе Рана Лавьера не проскользнуло ни одно чувство. – Но его можно отдать. Добровольно.

Выцветшие от времени глаза старика расширились в безмолвном ужасе.

– Отдать? Отдать свой дар? – Сказанное не укладывалось в его голове. Дар для мага всегда был ценнее души. Да что там! Он был даже ценнее жизни, он и был жизнью. Никто не отказывался от дара добровольно, это невозможно было даже представить! Ток магии в крови – это бесценно!

И вдруг понимание озарило глаза старика.

– Раяна, – почти прошипел он. – Это все из-за нее, ведь так? Она погубила тебя!

– Замолчи, – приказал аид.

– Всегда знал, что она сделает это, – Анакин сжал слабые руки в кулаки. – Знал. Чувствовал вот здесь, – он поднес ладонь к сердцу. – Как ей это удалось? Как? Зачем ты… Почему она?

Лавьер пожал плечами.

– Небесные любят забавляться смертными, ты ведь знаешь. А теперь иди.

– Ты умрешь, Ран! – запричитал старик. – Умрешь, понимаешь? Твое тело слишком слабо…

Лавьер не отвечал, всматриваясь в горизонт. На исхудавшее лицо набежала тень, и он процедил ругательство. Над шпилем Синих Скал разгоралось зарево пожара, полотнище с белым волком затянуло черным дымом.

– Поздно. Замок горит.

– Что? – не понял целитель. Он вертел головой, пытаясь рассмотреть синие скалы, но старческие глаза были слабы и уже не обладали прежней зоркостью.

– Иди в дом, – коротко отдал приказ Лавьер. – Собери все, что нужно. Продовольствие, целебные отвары, одежду. Живо.

– Что?

– Иди! – рявкнул Лавьер и сам шагнул к двери, сдернул со стены старый арбалет, скривился. Похоже, это оружие не снимали с ржавого гвоздя лет десять. Впрочем, неудивительно, ведь это дом целителя, а не сумеречного. Ран быстро проверил колодку и тетиву, выругался сквозь зубы. Анакин застыл в центре единственной комнате, склонившись над своими склянками.

– Скорее! – поторопил Ран.

– Я не пойду, – проскрежетал старик, поднимая на аида глаза. – Иди один, Ран.

– Живо на выход! – разозлился Лавьер. – Хочешь, чтобы я тащил тебя, целитель? Выметайся. Немедленно!

– Я не пойду, – заупрямился Анакин. – Я уже слишком стар, чтобы убегать.

– Хочешь сдохнуть в муках? – прищурился Ран. – Сумеречные поймут, что я был здесь.

– Это уже неважно.

Целитель махнул рукой, и Лавьер снова выругался.

Топот лошадиных копыт заставил его напрячься и крепче сжать арбалет.

– Сиди здесь, – снова приказал он, понимая, что им уже не уйти. Теперь главный вопрос лишь в том, сколько сумеречных отправилось проверить лачугу старого целителя.

Ран осмотрел помещение, зацепился взглядом за крышку люка наверху. Такие делали на случай задымления или пожара, так как окна в доме не открывались. Быстро запер дверь и устремился к шаткой лестнице.

– Не высовывайся, – бросил он целителю, карабкаясь наверх и не обращая внимания на боль.

Несмазанные петли крышки поддались с трудом, но все же позволили аиду выбраться на крышу. Он растянулся на соломе, рассматривая приближающихся всадников. Четверо.

Лавьер выдохнул, успокаиваясь, и вложил болт в гнездо арбалета.

Первый снаряд вскопал дерн у ног всадника, и Ран сжал зубы, не позволив себе ругательство. Только сделал вывод и поправку на несбалансированное оружие, что подвело меткий взгляд аида. Пристреливаться было некогда, к сожалению. Второй болт лег точно в цель, пробив грудь сумеречного. Правда, дальше стрелять стало сложнее, потому что охотники поняли, что обернулись жертвами, и рассредоточились. Но не раньше, чем Ран избавился еще от одного сумеречного, свалившегося в траву.

Двое. Осталось двое.

Следующий снаряд попал в лошадь, но всадник ловко спрыгнул на землю и вскинул собственный арбалет, выискивая аида. Лавьер опустил голову, пережидая. Раз, два… Болт чиркнул крышу совсем рядом. И у него лишь несколько мгновений, пока сумеречный перезаряжает арбалет. Конечно, при условии, что второй охотник сейчас не выжидает с натянутой тетивой. Но выбора у Рана не было. В ближнем бою его свалят через минуту. К тому же, вероятнее всего, эта четверка лишь разведующие, следом подтянутся и другие каратели.

Аид вскинул арбалет, приподнимаясь над краем крыши, и спустил болт.

С коротким чавкающим звуком снаряд вошел в тело сумеречного, и Лавьер привычно и четко вложил в гнездо арбалета следующий. Четвертого всадника видно не было. Значит, рассредоточились. Значит… Ран откатился как раз в тот момент, когда сталь клинка вошла в деревянное перекрытие крыши. Там, где

еще мгновение назад была его спина.

Последний снаряд он выпустил в упор, глядя в удивленные глаза сумеречного, не успевшего вытащить меч из доски. Он словно не верил, что видит перед собой аида. И что тяжелый металлический болт уже пробил его тело, отправляя к Сумеречным Вратам.

Ран полежал, переводя дыхание.

Надо уходить.

Спускаясь в лачугу целителя, он точно знал, что увидит. Он сам был учеником цитадели, он знал сумеречных.

Анакин скорчился у лавки, белое одеяние окрасилось кровью.

Лавьер сел рядом, прижал к себе голову старика.

– Я ведь сказал тебе не высовываться… – тихо произнес он.

Целитель слабо улыбнулся. Он еще был жив, но оба знали, что это ненадолго.

– Не теряй… время… – чуть слышно произнес Анакин. – Иди.

– Молчи, – Ран остро глянул на рану. Безнадежно. Жаль.

– Иди, Ран… – старик сжал его руку. – Подпол… монеты. И настойки… красное стекло… Забери. Раз в день… поможет…

Лавьер кинул, не отводя взгляда от лица целителя. Он словно не давал этим блеклым глазам закрыться, удерживая своей волей.

– И еще… – последние слова прозвучали еле слышно. – Письмо… шкатулка… Там. Отнеси… Там написано. И живи, Ран…

Ток силы ударил в руку раньше, чем аид успел убрать ее. Живой поток на миг лишил сознания и разума, закружил в теплом водовороте. А когда Ран пришел в себя, Анакин уже не дышал. Он отдал аиду всю свою силу, до последней капли.

– Я постараюсь, старик, – глухо произнес Ран Лавьер, закрывая невидящие глаза. – Я постараюсь. Надеюсь, ты знал, что значишь для меня. Кажется, я так и не сказал тебе.

Он посидел еще минуту, держа на коленях голову Анакина. На руках осталась чужая и своя кровь. В груди зияла пустота, та самая, что снова звала за собой, манила, соблазняла… Когда кажется, что терять нечего, небесные находят, что еще можно забрать. Раньше Ран не задумывался об этом.

Выдохнув, он поднялся, уже не глядя на тело старика. Анакина больше не было, пустая оболочка в испачканных белых одеждах – это лишь сосуд без содержимого. Последний дар целителя – его сила – билась внутри Лавьера, наполняя потерянной мощью мышцы и латая раны. Кровь из разошедшегося шва на боку прекратила течь, затянувшись розовой тонкой коркой. Старик сделал все, чтобы подарить бывшему аиду еще один шанс.

Ран не глядя смахнул в наплечный мешок склянки, подсохший хлеб и сыр, нож, упомянутую целителем шкатулку, которую не стал открывать. Надел рубаху и плащ, собрал болты, что смог найти. Обулся. Осмотрел лачугу. Скинул зажженную свечу в ворох сухих трав на столе.

И вышел, тихо закрыв за собой дверь. Уже через несколько минут заросли можжевельника сомкнулись за путником, углубляющимся в лес.

Горизонт над долиной затянулся черным дымом, что стелился от горящего замка Синие Скалы. Вскоре к нему добавился дым сизый – от скромной лачуги старика-целителя.

***

Лавьер углублялся все дальше в лес, понимая, что четверка всадников, оставленная у лачуги – это лишь малая часть отряда. У него не было сил и времени, чтобы подчистить следы, значит, довольно скоро сумеречные их найдут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/marina-surzhevskaya/izgnannik-ispytaniya-rayan

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити